Се Тин Юэ застыл.

Чу Му поцеловал его.

Настоящий поцелуй, исполненный нежности, сладости, привязанности и мягкости.

Словно внезапно рассеялась туманная дымка перед глазами, и Се Тин Юэ смог ясно почувствовать всё, что нёс в себе этот поцелуй — столько тепла, столько искренности. Будто это зрело годами и лелеялось в глубине сердца, — и вот наконец, посреди мирской пыли расцвёл зелёный росток.

Не стоило сомневаться…

Ему не следовало сомневаться в чувствах Чу Му, они же такие ясные, такие пламенные!

Не стоило сомневаться и в собственном сердце.

Когда же всё изменилось?

Когда поцелуй закончился, Чу Му не отпустил его, а лишь крепче прижал к себе и хриплым голосом прошептал над самым ухом:

— Госпожа, я так сильно жажду тебя.

Уши Се Тин Юэ запылали.

Чу Му только что очнулся, и он боялся навредить ему, не смея шевелиться. Что бы он ни сделал, всё казалось неуместным, что бы ни сказал… тоже было не к месту. Ему оставалось лишь невнятно ответить:

— М-м…

— Госпожа… поняла?

От тихого смеха Чу Му, прозвучавшего у самого уха, по коже пробежали сладкие мурашки.

Се Тин Юэ обмяк.

После такого, как он мог не понять? Некоторые вещи и вовсе не требуют слов. Атмосфера была подходящей, и они уже поцеловались. Разве могло что-то остаться непонятым? Лицо его пылало, и Се Тин Юэ не смел поднять головы и лишь снова невнятно ответил:

— М-м…

— Нет, ты не понимаешь, — произнёс Чу Му почти шёпотом. — Я не только хочу вот так обнимать тебя всю жизнь, но и прижать к стене и целовать, повалить на кровать и целовать, прижать к…

— Замолчи!

Уши Се Тин Юэ стали пунцовыми. Он больше не мог это слушать и прикрыл ладонью рот Чу Му.

Только-только пришёл в себя, неужели нельзя вести себя поспокойнее?!

Если бы не забота о его здоровье, он бы сейчас же устроил Чу Му взбучку!

И что он только несёт…

Но кем был Чу Му? Под личиной благородного мужа скрывался человек, готовый бесстыдничать до конца. Разве такой нахал мог смутиться? Он тут же воспользовавшись ситуацией, схватил руку, прикрывавшую его губы, и поцеловал её:

— Ладонь госпожи совсем невелика, но откуда в ней такая магия? Она так крепко сжимает моё сердце, что я днём и ночью думаю лишь о тебе, а тоска по тебе обратилась в сладкую муку…

— Госпожа, мне мало просто целовать тебя.

От заигрываний Чу Му мысли в голове Се Тин Юэ окончательно спутались. Разум словно одеревенел и не успевал реагировать на происходящее. Мало просто целовать… что же тогда он делал только что? Мало просто целовать… а что ещё он хочет делать?

В этом замешательстве он внезапно почувствовал под собой нечто необычное.

Тело Чу Му больше не было ледяным. Лекарства, выписанные лекарем, обладали сильным согревающим и укрепляющим действием, а в комнате разожгли жаровню, так что стало совсем тепло. Се Тин Юэ уже давно убрал тяжёлые одеяла и сменил их на тонкое. И, поскольку они лежали очень близко, одеяло не могло создать достаточной преграды, поэтому он, естественно, ощущал изменения в теле Чу Му…

Этот бесстыдник на самом деле возбудился!

Се Тин Юэ мгновенно одеревенел.

Как такое возможно? Разве Чу Му не болен? Тяжёлая болезнь едва отступила, он только-только очнулся и уже способен на такое?

Ресницы Чу Му слегка задрожали, и он глубоко вздохнул:

— Госпожа, я всего лишь болен, а не сломан.

Се Тин Юэ: «…»

Он, конечно, понимал, что разные болезни по-разному влияют на организм. Ни один из лекарей не упоминал о проблемах в этой области — очевидно, болезнь не сильно затронула эти функции. Просто физических сил не хватало, и… этим заниматься было затруднительно.

— В этом нет моей вины, просто госпожа слишком уж вкусная… — Чу Му крепко обхватил Се Тин Юэ за талию и в его голосе зазвучала напускная серьёзность: — Я знаю, что госпожа этого хочет, но сейчас нельзя. Я не хочу, чтобы госпожа слишком устала. В таких делах будет лучше, если устану я. Подождём немного и…

— Прекрати! — Мозг Се Тин Юэ хоть и был в замешательстве, но не отключился совсем. Разве мог он до сих пор не прийти в себя? — Мне этого не хочется!

Изящные брови Чу Му слегка нахмурились:

— Госпожа… не хо-о-чет?

Се Тин Юэ ответил крайне решительно:

— Со-вер-шен-но не хочу!

— Хорошо, значит, оно просто взбунтовалось и само по себе зашевелилось. Оно заслуживает наказания, — сказал Чу Му, бросив красноречивый взгляд вниз и всем видом показывая, что вину он с себя снимает.

Се Тин Юэ: «…»

Разве это не твоя штуковина?!

Я не попадусь на эту удочку! Ни за что не стану участвовать в обсуждении того, как наказывать!

И точно, в следующий миг Чу Му спросил:

— Как госпожа считает нужным его наказать?

Се Тин Юэ отвернулся и промолчал.

Его голова как раз прильнула к груди Чу Му, и он услышал биение его сердца: «Тук-тук… тук-тук…». Живое и сильное.

Было удивительно, что за такое короткое время он словно пережил целую вереницу событий, и в нём успели смениться самые разные чувства: паника, умиление, смущение, нежность, сладость и, наконец, лёгкое отвращение. В этом был весь Чу Му: в одно мгновение он мог рассмешить до слёз, а в следующее — заставить его испытывать отвращение.

— Последние несколько дней, должно быть, сильно напугали тебя? — Голос Чу Му тёк медленно, словно ручей при лунном свете. — Я не нарочно. Вспоминая тот день, когда я потерял сознание, не успев договорить, я чувствую сожаление. Человек, который пришёл ко мне той ночью, был…

— Нет, я не хочу это слышать!

Се Тин Юэ внезапно отказался. Почувствовав, что его тон был слишком резким, он поджал губы и постарался говорить как можно тише:

— Ты только что очнулся, ты ещё слаб. Пожалуйста, отдохни.

В глазах Чу Му промелькнуло недоумение.

С серьёзным выражением лица он попытался встретиться с Се Тин Юэ взглядом, но тот отвернулся, не дав ему этого сделать.

В этот момент Чу Му всё понял.

Он всё-таки напугал Се Тин Юэ.

Его госпожа… вероятно, решила, что тогдашний настойчивый допрос оказал на него слишком сильное давление, что и вызвало приступ.

Это было чувство вины или… страх. Убеждение, что стоит обойти эту тему стороной, не

спрашивать и не допытываться и приступы больше не повторятся.

Так зацикливаться нельзя.

Чу Му вздохнул с лёгкой досадой:

— Я и правда давно хотел всё тебе рассказать. Я даже расставил множество ловушек, чтобы завлечь тебя, у меня был детальный план, и не было никакого давления.

Се Тин Юэ ничего не ответил, лишь глубже уткнулся лицом в его грудь.

Чу Му продолжил:

— К тому же я уже говорил, что не отпущу твою руку. И рано или поздно тебе придётся всё это узнать.

Се Тин Юэ оставался непреклонным:

— Но сейчас я не хочу это слышать.

Он действительно был в смятении, а мысли были в полном беспорядке. Ему требовалось время, чтобы всё обдумать.

Но был один вопрос, который он обязан был задать:

— Ты не болен, ты отравлен. Ты знал об этом?

Чу Му помедлил и ответил:

— Знал.

А затем задал встречный вопрос:

— А ты понимаешь, что побег никогда не решит проблему?

— Понимаю, — тихо произнёс Се Тин Юэ. — Просто… сейчас мне не хочется думать.

Чу Му погладил Се Тин Юэ по голове, признавая поражение:

— Ладно, тогда обсудим это позже.

Что же ему оставалось делать, кроме как баловать и уговаривать собственную жену?

Легко погладив его пару раз, Чу Му заметил, что тот не шелохнулся. Осторожно присмотревшись, он понял, что Се Тин Юэ уснул.

— Видимо, совсем вымотался…

Чу Му тихо рассмеялся. Он аккуратно вытянул одеяло, оказавшееся между ними, и ловким движением притянул Се Тин Юэ к себе, уложив поудобнее. Затем он приподнялся, чтобы снять с него обувь, и только после этого снова лёг и укрылся одеялом.

Как он мог не знать, что отравлен? К сожалению, он лишь смутно представлял, как с этим бороться, и ещё не был до конца уверен.

К счастью, это был именно яд: его действие наступает быстро, но и проходит так же стремительно, если только удаётся выстоять. Каждый раз, когда яд пробуждается, это момент его величайшей слабости и одновременно величайшей силы. Не выдержишь — впереди ждёт смерть. Справишься — проснёшься в наилучшем состоянии, когда телу легко и спокойно. В обычное время у него не нашлось бы сил на подобные нежности.

Его взгляд скользнул на подушку рядом. Его госпожа дышала ровно и спала смирно, словно невинный, ничего не ведающий ребёнок.

Не удержавшись, он снова наклонился и поцеловал. Лишь после этого Чу Му хорошенько укрыл Се Тин Юэ одеялом и негромко позвал того, кто был за дверью:

— Цинь Пин.

Цинь Пин немедленно вошёл.

Чу Му, как всегда, с невозмутимым лицом произнёс:

— Докладывай.

Видя, что хозяин снова преодолел кризис, Цинь Пин был искренне рад, но не осмелился ответить сразу, а бросил взгляд на госпожу, спавшую рядом с хозяином.

Чу Му улыбнулся:

— Не нужно его сторониться, говори.

Только тогда Цинь Пин кивнул и с серьёзным видом доложил:

— Основываясь на особых сведениях, данных господином, подчинённые завершили проверку той организации и нашли неопровержимые доказательства. Это действительно Гэньмяо. Они переформатировались из бандитской группировки и более десяти лет не оставляли следов, их деятельность стала совершенно неуловимой. Прежние дела, вроде заказных убийств и торговли информацией, они полностью прекратили. На этот раз они внезапно объявились сначала из-за травы Инцао, а теперь из-за принца Ли. Мы с подчинёнными сейчас выясняем, есть ли между этими событиями связь. Кроме того, пока нет результатов касательно того, что именно находится у принца Ли, из-за чего они так упорно за ним охотятся…

Цинь Пин изложил добытые сведения по порядку.

Чу Му слушал с задумчивым видом.

Как он и предполагал, это та самая организация. Но прежде он думал, что они хотят его убить, однако случай на сливовом банкете показал, что тут не всё так просто. Он давал им возможность, почему же они не нанесли удар? Почему должен был умереть Хэ Юань Ци, да ещё так вовремя и таким изощрённым способом?

В случае с принцем Ли, Чу Му провёл проверку, угрожая ножом. Он проверял не только значимость принца Ли, но и себя самого — и противник снова не напал.

Если у них нет намерения его убивать, то к чему эти постоянные провокации и беспорядки? А если намерение есть, то почему они не действуют?

Чу Му не мог этого понять.

Он перевёл взгляд на Цинь Пина и заметил, что тот слегка нахмурился, будто его что-то беспокоило.

— У тебя ещё есть что сказать? — уверенно произнёс Чу Му.

Цинь Пин немного подумал и ответил:

— Есть одно дело… Я не заметил в нём ничего подозрительного, просто что-то подсказывает, что о нём стоит упомянуть.

— Говори.

— Когда у господина случился приступ и потребовалась Яньшуйхуан, члены Гэньмяо, кажется, тоже её искали. Почему они её искали и нашли ли — я не знаю. К тому времени, как я освободился и вернулся проверить, они уже ушли.

Чу Му, услышав это, всё понял. Цинь Пин хоть и выглядел грубоватым, на деле был очень внимателен. В тот момент возможности проследить не было: либо врагов было слишком много, либо он спешил найти траву для него. Позже, когда лекарственную траву нашли и можно было вздохнуть спокойно, время для расследования было упущено.

В критические моменты приходится расставлять приоритеты, поэтому он не мог винить Цинь Пина. К тому же Цинь Пин, следуя за ним, годами оттачивал свои чувства и развил необычайную интуицию. Если у него возникло желание сказать об этом, значит, там точно что-то было не так.

Чу Му прищурился, и его внезапно осенила мысль:

— Немедленно выясни, нет ли у принца Ли при себе этой самой Яньшуйхуан!

Цинь Пин замер, а затем в его глазах вспыхнул острый блеск:

— Слушаюсь!

Сон Се Тин Юэ был глубоким и очень долгим. После пробуждения Чу Му тяжкое бремя с его плеч мгновенно спало, он окончательно успокоился и погрузился в глубокий сон, проснувшись лишь после полудня.

Это было вполне естественно, но Чу Му беспокоился. Видя, что Се Тин Юэ всё не просыпается, он велел позвать лекаря Гуан Бая.

Так что, едва открыв глаза, Се Тин Юэ увидел перед собой улыбающегося старика:

— Смотрите, проснулся. Просто недостаток сна, поспишь побольше — и всё пройдёт. Ничего страшного, даже лекарства не нужны.

Се Тин Юэ покраснел от смущения.

Ранее он так сильно волновался, что не понимал некоторых вещей, но теперь осознал: когда старый лекарь приходил прощаться, он на самом деле в завуалированной форме давал ему успокоительное, говоря этим, что Чу Му вне опасности, в услугах лекаря больше нет нужды и ему не нужно так сильно напрягаться. В вопросах жизни и смерти лекари привыкли выражаться туманно, редко давая прямые гарантии, что «всё в порядке, скоро поправится» или «безнадёжен, скоро умрёт». Как он мог этого не понять!

Се Тин Юэ поспешно поднялся с постели и совершил глубокий, почтительный поклон:

— Мои прежние поступки были неподобающими, прошу почтенного лекаря простить меня за это! На этот раз лишь благодаря вашему мастерству и милосердию мой муж смог поправиться. Позже я поднесу вам дар в знак признательности, прошу вас, не отказывайтесь…

— Хорошо, — Гуан Бай погладил бороду, и глаза его сузились от улыбки. Получив обещание подарка, он счёл неуместным дальше подшучивать над Се Тин Юэ, поэтому повернулся к Чу Му: — А ты, дитя, хоть и болтался на волоске от смерти, на редкость везуч. Я много лет практикую и всякое повидал, но редко встречал таких, как твоя супруга. Вроде бы очень умный и проницательный человек, а как дело касается тебя — сразу глупеет: ни намёков не понимает, ни шуток. Кроме как торчать рядом с тобой, ничего не умеет. Такую хорошую супругу нужно беречь.

Чу Му был доволен, и его манера поведения стала ещё более благородной:

— Почтенный старец прав. Спасибо, что эти дни вы так заботились о нас. Впредь… я непременно буду к нему хорошо относиться.

— Хм, неплохо, — глаза Гуан Бая сузились ещё сильнее. — А знаешь ли ты, как нужно поступать, чтобы это считалось хорошим отношением?

Чу Му улыбнулся:

— Постараться прожить как можно дольше.

Гуан Бай расхохотался:

— Ха-ха-ха, верно! С такой удачей ты точно не умрёшь молодым. Ты куда умнее своей глуповатой супруги!

Глупая супруга Се Тин Юэ: «…»

— Ладно, раз уж ты очнулся, значит, всё в порядке. На этой горе много неудобств, так что потихоньку собирайтесь и спускайтесь, — сказал Гуан Бай, сложив руки за спиной и выходя из комнаты. — Я тоже соберусь и уйду, провожать меня не нужно.

……

Се Тин Юэ отправил весть вниз, и Хан Цин Си действительно прислала людей с мягкими носилками, чтобы спустить Чу Му с горы.

К счастью, носильщиками были крепкие молодые ребята, полные сил. Их было достаточно, чтобы, сменяя друг друга, без труда перенести человека.

Состояние Чу Му восстановилось, и к Се Тин Юэ вернулось спокойствие. Вот только теперь каждый раз, когда Чу Му брал его за руку, он больше не отстранялся и не смущался. Они постоянно были вместе, их силуэты сливались воедино, привязанность становилась всё сильнее, а атмосфера между ними была настолько сладкой, что, казалось, сочится мёдом.

У подножия горы всё уже вернулось в норму, в некоторых местах даже исчезли следы разгула стихии. Члены семьи Сяо выглядели бодро и жизнерадостно. Хан Цин Си лично приготовила изысканные блюда, чтобы угостить Се Тин Юэ и Чу Му. Учитывая здоровье Чу Му, еда была в

основном лёгкой, но очень вкусной.

В разгар трапезы разговор зашёл о делах.

Голос Чу Му звучал твёрдо:

— Торговлю контрабандной солью определённо нельзя продолжать.

Выражение лица Сяо Юнь Фэна стало серьёзным:

— Да. С моей стороны тоже нет намерения продолжать.

Договор был заключён между семьями Чу и Сяо, так что именно этим двоим принадлежало решающее слово в его расторжении.

— Что до других дел… — улыбнулся Се Тин Юэ. — Не знаю, заинтересуют ли они вас?

Хан Цин Си лукаво прищурила прекрасные глаза:

— Молодой господин Се имеет в виду…

— Хотя я и использовал это как предлог, чтобы обмануть разбойников, но само предложение о том, чтобы вы помогли с поставками, — оно было абсолютно серьёзным, — ответил Се Тин Юэ.

— Мы как раз ждали этих слов! — тут же рассмеялась Хан Цин Си. — Кажется, мы окажемся в большом выигрыше!

— Кто из нас окажется в выигрыше, ещё неизвестно, — подмигнул Се Тин Юэ. — Моя ткань синяя Инбу расходится слишком быстро, запасов вечно не хватает. Шёлк на складах вот-вот закончится, а новых поставок пока нет…

Хан Цин Си проявила истинную щедрость:

— Разве это проблема? Шёлк у нас есть! И готовый товар в наличии, и осенний урожай будет богатым. Сколько нужно — столько и будет, называй любую цену!

Это было взаимовыгодное дело. Даже если одна сторона получит чуть меньше прибыли, а другая — чуть больше, эту сделку определённо стоило обсудить и заключить. Цель была поставлена, возражений ни у кого не возникло, а подробности контракта можно было обсудить и позже. Сейчас же не стоило углубляться в детали.

Сяо Юнь Фэн говорил мало, но был человеком в высшей степени искренним:

— В этот раз вы двое очень помогли нам с супругой. Когда представится возможность, мы обязательно щедро отплатим. Дело с разбойниками я беру полностью на себя, вам не стоит беспокоиться. И ещё кое-что…

Посчитав, что муж говорит слишком медленно, Хан Цин Си перебила его:

— Об этом даже неловко говорить. Тот молодой господин Се… — она посмотрела на Се Тин Юэ, — которого тебе следует звать старшим братом, потерялся. Наши люди лишь на миг утратили бдительность и тут же обнаружили, что он исчез. Найти его так и не удалось, примите наши искренние извинения.

Се Тин Юэ сразу всё понял. Се Тин Жи — взрослый человек, к тому же мужчина, как он мог просто «потеряться»? Наверняка сам сбежал. Скорее всего, он почувствовал, что окончательно опозорился, и больше не хотел видеть этих людей.

— Он взрослый мужчина, пусть идёт куда хочет. Не стоит о нём беспокоиться.

Это не имело значения. Даже если бы он остался здесь, Се Тин Юэ всё равно не мог его убить, а видеть — одно расстройство. Письмо Чу Му уже написано и отправлено. Если этот «старший брат» вернётся домой с плачем и жалобами, ему всё равно несладко придётся.

Хан Цин Си заранее предугадала реакцию Се Тин Юэ, поэтому тут же закрыла эту тему и заговорила о другом:

— Снаружи приключилось ещё одно дело, боюсь, это сулит вам двоим неприятности.

— О? Что же это? — спросил Чу Му.

Хан Цин Си взглянула на мужа.

— Когда я с нашими людьми пошёл расчищать дорогу впереди, то услышал новости из соседней деревни. Некий торговец по имени Янь Хун скупает оптом и перепродаёт припасы, что вызвало волну народного возмущения. Это доставляет много головной боли чиновнику Лу, — сказал Сяо Юнь Фэн.

Улыбка Хан Цин Си была немного виноватой:

— Простите, тогда на горе… я случайно услышала, что господин Лу, кажется, ваш друг?

Чу Му покачал головой:

— Это пустяки.

Они получили помощь от семьи Сяо, и в горах повсюду были их сородичи, скрыть очевидные вещи было невозможно. К тому же Лу Ли и не собирался ничего скрывать. Если бы хотел — не позволил бы своему слуге так себя вести.

— В самом деле, госпоже не стоит беспокоиться. Напротив, мы должны поблагодарить вас за предостережение, — Се Тин Юэ думал уже о другом. — Главное — этот Янь Хун. Чего он добивается?

Он слегка повернул голову, и как раз в этот момент Чу Му тоже обернулся, чтобы посмотреть на него. В глазах у обоих читалось одно и то же.

С самого отъезда из столицы Янь Хун следовал за ними как тень. Из-за связи с Се Жу он оказывал всяческую поддержку Се Тин Жи. Но за всё время наводнения его ни разу не было видно. Неужели он решил оставить Се Тин Юэ в покое, бросить Се Тин Жи и пуститься в авантюру, чтобы нажиться?

— Позвольте мне рассказать об этом деле!

Из-за двери донёсся бодрый, очень знакомый голос — это был Лу Ли.

Одетый в повседневную одежду, он вошёл в комнату вслед за слугой. Сяо Юнь Фэн и Хан Цин Си тут же поднялись, чтобы встретить гостя. Се Тин Юэ тоже встал и сложил руки в

приветствии:

— Господин Лу прибыл.

Только Чу Му сидел неподвижно.

Конечно, Лу Ли к этому уже привык. Обменявшись со всеми любезностями, он без церемоний уселся рядом с Чу Му:

— Вы, почтенный, и впрямь умеете сохранять невозмутимость.

— А как иначе? — отозвался Чу Му.

— Для нас большая честь принимать таких уважаемых гостей. Располагайтесь, а я пойду приготовлю несколько блюд, — сказала Хан Цин Си.

Кивнув на прощание, она увлекла Сяо Юнь Фэна за собой.

Это было сделано специально, чтобы дать троим друзьям спокойно побеседовать.

Се Тин Юэ был очень благодарен им за это.

Устроившись поудобнее, Лу Ли сначала внимательно оглядел Чу Му с ног до головы. Тот немного похудел, но выглядел бодро — было видно, что за его близким другом хорошо ухаживали.

Почувствовав облегчение, Лу Ли принялся подшучивать:

— Недаром говорят: «злодеи живут тысячу лет»*. Вижу, тебя не так-то просто убить.

*П.п. Поговорка «Добрый человек долго не живёт, недобрый процветает».

Чу Му улыбнулся:

— Прошу прощения, я был слишком занят, чтобы тебя донимать. Должно быть, этим я разочаровал тебя.

Разве мог Лу Ли стерпеть такую колкость?

— Хех, не дождёшься ты от меня такой ревности, — он перевёл взгляд на Се Тин Юэ, и его глаза наполнились глубоким смыслом. — Се Эр, видишь, он больше не умирает, так что налей и мне чашку чая.

Се Тин Юэ резко замер.

Ещё мгновение назад он умилялся их дружбе. Каждое слово казалось колкостью, но на самом деле было наполнено заботой. Обрести в жизни такого друга — как тут не позавидовать? Он только что наслаждался этой картиной, как вдруг произошёл неожиданный поворот.

За эти дни он так привык ухаживать за Чу Му, что в любой момент его глаза были прикованы только к нему. И наливая чай, он, конечно же, подавал ему первому.

В нынешней же обстановке он не был хозяином дома, но Лу Ли был полноправным гостем, и о нём следовало позаботиться. А он, словно ослепнув, ничего не замечал и заботился только о

своём бесстыднике…

И его ещё на этом поймали!

Уши Се Тин Юэ пылали, и ему отчаянно хотелось провалиться сквозь землю.

Разве мог Чу Му позволить кому-то обижать своего человека? Он тут же выхватил чайник из рук Се Тин Юэ:

— Всего лишь чашка чая, зачем утруждать мою госпожу? Я. Сам. Лично. Налью. Тебе!

Он наполнил чашку чаем до самых краёв. До самого верха.

По правилам приличия, чай наливают неполную чашку, а вино — доверху. Но сегодняшний чай…

П.п. Наливать чай до краёв считается признаком неуважения или намёком на то, что гостю пора уходить.

Лу Ли вскинул бровь и усмехнулся:

— Ты мне что, вина налил?

Чу Му улыбнулся:

— Так ты будешь пить или нет?

— Буду! — скрипя зубами, ответил Лу Ли и с поистине удалым видом осушил чашку до дна, бросив на Чу Му яростный взгляд.

Се Тин Юэ слегка кашлянул:

— Так что там с делом Янь Хуна?

— Точно, точно! Ты меня так взбесил, что я и о деле позабыл, — Лу Ли уверенным тоном упрекнул Чу Му. — Ты только посмотри на свою супругу, какой образец благоразумия!

Чу Му довольно улыбнулся и посмотрел на Се Тин Юэ:

— Мне и впрямь есть чему поучиться у госпожи.

Се Тин Юэ: «…»

— Что касается Янь Хуна, дело обстоит так…

Лу Ли принял серьёзный вид и перешёл к делу:

— Эти затяжные дожди, внезапно обрушившиеся в это время года, случаются раз в сто лет. Никто в этих краях не был готов, и народ сильно пострадал. Поначалу нам повезло: мы встретили богатого торговца, который вёз рис и припасы. Он как раз занимался подобными делами, и товар был в пути, а как только услышал о бедствии, тут же воспылал добротой и решил всё пожертвовать…

Лу Ли не совсем понимал эту ситуацию — она казалось ему слишком удачным совпадением.

Однако он всё проверил: и человек был чист, и к рису с припасами претензий не было. Пусть и не высший сорт, но вполне сносного качества, как раз подходит для пострадавшего народа.

Однако Се Тин Юэ и Чу Му отлично понимали, в чём дело.

Всё это… было сделано по их указанию.

— Благодаря помощи доброго человека это бедствие можно было бы благополучно пережить, но тут встряла одна палка-говномешалка*, — при этих словах настроение Лу Ли испортилось. — Этот Янь Хун явился наживаться на бедствии!

*П.п. Дословно палка-говномешалка, образно гад, сволочь (о том, кто постоянно провоцирует конфликты).

Торговцы лучше всех умеют находить лазейки и любят обогащаться на народной нужде. Есть среди них те, кто обожает наживаться на бедствиях: в засуху они продают водоподъёмные колёса, в наводнение — лодки, а во время войны не побрезгуют даже торговлей оружием. Такое, увы, не редкость.

— Но Янь Хун в этот раз зашёл слишком далеко.

Лу Ли подцепил палочками немного еды, тщательно прожевал и постарался сохранить спокойствие:

— Он родом из Сухани, у него обширные и сложные связи. Полностью завладеть рынком в нескольких районах для него — пара пустяков. Там, где он закрепился, цены взлетели до небес. Люди не могут позволить себе даже самое необходимое, их страдания неописуемы…

— Я мог бы отправить людей схватить его, но с этим делом будет много головной боли. Ты понимаешь, что я имею в виду?

Этот вопрос он задал Се Тин Юэ.

Внутренние обстоятельства этого дела были туманны и не подлежали подробному изложению, но Се Тин Юэ всё понял.

— Да, я понимаю.

http://bllate.org/book/13821/1335139